

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2026 Том 31, №1

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2026

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2026 Vol. 31, №1

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2026

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2026 Том 31, № 1

Раздел I. АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Agalarzade A. M.</i> A “Warrior's grave” in the south-eastern region of Azerbaijan: the Arvana kurgan	7
<i>Серегин Н. Н., Матренин С. С., Степанова Н. Ф.</i> Железные поясные пряжки у населения северных предгорий Алтая в эпоху Тюркских каганатов (по материалам некрополя Горный-10)	26
<i>Тишин В. В., Нанзатов Б. З.</i> Древнетюркское t2w̄l2is2, t2w̄l2s2: ложные и действительные параллели	49
<i>Жилина Н. В.</i> Погребальный и прижизненный убор в эпоху раннего Средневековья.....	62
<i>Кичигин Д. Е.</i> Погребение монгольского имперского периода в долине реки Жомболок (Окинский район Республики Бурятия)	83
<i>Кузьмин Я. В., Васильев С. В., Боруцкая С. Б., Марфина О. В., Помазанов Н. Н., Винникова В. Е., Емельянчик О. А.</i> Первые данные по диете средневекового населения на территории Беларуси (по данным изотопного анализа углерода и азота в коллагене костей)	104

Раздел II. ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Атдаев С. Дж.</i> Туркменские депутации на коронационных торжествах российских императоров	123
<i>Каменских М. С., Чернышева Ю. С.</i> Казахи в национальной политике Уральской области в 1930-е гг.	139
<i>Дубова Н. А., Кадырбекова Т. К., Никифоров М. Г.</i> Народные методы предсказания погоды в Кыргызстане и их анализ на основе современных данных	155

Раздел III. РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Пелевина О. В.</i> Образ жизни и традиции русских в процессе формирования религиозного ландшафта дальневосточного порубежья (по материалам публикаций А. В. Кириллова)	178
<i>Дашковский П. К., Траудт Е. А.</i> Русская православная церковь в Бурят-Монгольской АССР в 1945–1953 гг.: институты и практики в условиях советской вероисповедной политики «нового курса»	202
<i>Назарова Т. П., Иванов В. А.</i> Похоронный обряд и «архитектура смерти» в СССР в 1940–1950-е гг.	234
<i>Маркова Н. М., Аринин Е. И., Петросян Д. И., Матушанская Ю. Г., Волчкова О. О.</i> Студенческая религиозность: поиски комплаенса в поляризации коннотаций (по результатам социологического исследования во Владимире и Казани)	248
ДЛЯ АВТОРОВ	272

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

2026 Vol. 31, № 1

Section I. **ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY**

<i>Агаларзаде А. М.</i> «Могила война» в юго-восточной части Азербайджана: курган Арвана.....	7
<i>Seregin N. N., Matrenin S. S. Stepanova N. F.</i> Iron belt buckles among the population of the northern foothills of Altai in the era of the Turkic Khaganates (based on the materials of the necropolis Gorny-10).....	26
<i>Tishin V. V., Nanzatov B. Z.</i> Old Turkic t2w̄l2is2, t2w̄l2s2: its false and real parallels	49
<i>Zhilina N. V.</i> , Burial and lifetime attire in the early Middle Ages.....	62
<i>Kichigin D. E.</i> Burial of the Mongol Imperial period in the Zhombolok river valley (Okinsky district of the Republic of Buryatia).....	83
<i>Kuzmin Y. V., Vasilyev S. V., Borutskaya S. B., Marfina V. U., Pomazanov N. N., Vinnikava V. Y., Emelyanchik V. A.</i> First data on diet of the medieval population of Belarus (based on carbon and nitrogen stable isotope analysis in bone collagen).....	104

Section II. **ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY**

<i>Atdaev S. J.</i> Turkmen deputations at the coronation celebrations of the Russian emperors.....	123
<i>Kamenskikh M. S., Chernysheva Yu. S.</i> Kazakh in the national policy of the Ural region in the 1930 ^s	139
<i>Dubova N. A., Kadyrbekova N. K., Nikiforov N. G.</i> Folk methods of weather forecasting in Kyrgyzstan and their analysis based on modern data	155

Section III. **RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS**

<i>Pelevina O. V.</i> Lifestyle and traditions of Russians in the process of forming the religious landscape of the Far Eastern borderland (based on publications by A. V. Kirillov)	178
<i>Dashkovskiy P. K., Traudt E. A.</i> The Russian Orthodox Church in the Buryat-Mongolian ASSR in 1945–1953: institutions and practices under the soviet “new course” religious policy.....	202
<i>Nazarova T. P., Ivanov V. A.</i> The funeral rite and the “Architecture of Death” in the USSR in the late 1940 ^s –1950 ^s	234
<i>Markova N. M., Arinin E. I., Petrosyan D. I., Matushanskaya Yu. G., Volchkova O. O.</i> Student religiosity: the search for compliance in the polarization of connotations (based on the results of a sociological study in Vladimir and Kazan)	248

FOR AUTHORS	272

УДК 93/94

DOI 10.14258/nreur(2026)1–08

*М. С. Каменских, Ю. С. Чернышева**Институт гуманитарных исследований Уральского отделения РАН — филиал
Пермского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН,
Пермь (Россия)*

КАЗАХИ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ УРАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ В 1930-Е ГГ.

В статье рассматривается политика в отношении казахов, перешедших на оседлость, в Уральской области в 1932–1933-х гг. Проанализированы особенности вербовки семей казахов на промышленные предприятия Урала в рамках кампании по содействию оседанию казахов (кочевников) Казакской АССР в первой половине 1930-х гг. В этот период на Урал при участии центральных властей было перевезено несколько тысяч человек.

Авторы приходят к выводу, что рассматриваемая кампания воспринималась местными органами власти как неотъемлемая часть национальной политики, поскольку в этот период подобные кампании проводились и в отношении ряда других советских народов. От просто переселенческой политики ее отличал дополнительный комплекс мероприятий по культурной и образовательной адаптации с учетом национальных особенностей прибывающих переселенцев, включающий культурно-массовую работу, содействие в изучении родного языка, работу с молодежью, выдвижение «национальных кадров», содействие в изучении русского языка. Это во многом характеризует национальную политику как самостоятельный управленческий феномен в жизни модернизирующегося советского общества 1920–1930-х гг.

При этом рассматриваемую политику в отношении рабочих-казахов нельзя признать удачной. Вместо планировавшихся пяти тысяч человек предприятия смогли принять меньше половины. Прибывавшие устраивались в худших, чем у местных, условиях, имели проблемы с обеспечением питанием и оплатой труда. Однако в период 1932–1933-х гг., когда в Казакской АССР свирепствовал голод, даже работа на Урале могла спасти сотни жизней. Жесткая реакция, с которой областное руководство обрушилось на местные предприятия за невнимание к решению задач национальной политики, а также сама реакция предприятий и последовавшие репрессии против виновных исключают и версию о сознательной политике по геноциду казахского народа, которую ряд общественных деятелей и зарубежных историков видит в советской политике в Казакской АССР 1930-х гг.

Ключевые слова: национальная политика, оседание кочевников, политика оседлости, казахи, Урал

Цитирование статьи:

Каменских М. С., Чернышева Ю. С. Казахи в национальной политике уральской области в 1930-е гг. // Народы и религии Евразии. 2026. Т. 31, № 1. С. 139–154.
DOI 10.14258/nreur(2026)1-08

Каменских Михаил Сергеевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований Уральского отделения РАН — филиала Пермского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН, г. Пермь (Россия). **Адрес для контактов:** mkamenskih27@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-5716-655X>

Чернышева Юлия Сергеевна, научный сотрудник Института гуманитарных исследований Уральского отделения РАН — филиала Пермского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН, г. Пермь (Россия). **Адрес для контактов:** yulyachernysheva99@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-7311-9457>

M. S. Kamenskikh, Yu. S. Chernysheva

Institute of Humanitarian Studies Ural Branch Russian Academy of Sciences, Perm (Russia)

KAZAKHS IN THE NATIONAL POLICY OF THE URAL REGION IN THE 1930^S

The article examines the policy towards Kazakhs who settled in the Ural region in 1932–1933. The article analyzes the peculiarities of the recruitment of Kazakh families to industrial enterprises in the Urals as part of a campaign to promote the settlement of Kazakh (nomads) of the Kazakh ASSR in the first half of the 1930^s. During this period, several thousand people were transported to the Urals with the participation of the central authorities.

The authors conclude that the campaign in question was perceived by local authorities as an integral part of national policy, since during this period similar campaigns were conducted against a number of other Soviet peoples. It was distinguished from the simple resettlement policy by an additional set of measures for cultural and educational adaptation, taking into account the national characteristics of the arriving migrants, including cultural and mass work, assistance in learning their native language, work with young people, the promotion of “national personnel”, assistance in learning Russian as a language. This largely characterizes national policy as an independent managerial phenomenon in the life of the modernizing Soviet society of the 1920^s and 1930^s.

At the same time, the policy in question regarding Kazakh workers cannot be considered successful. Instead of the planned five thousand people, the enterprises were able to accommodate less than half. The arrivals settled in worse conditions than the local ones, had

problems with payments and provision of food and wages. However, in the period 1932–1933, when famine was rampant in the Kazakh ASSR, even work in the Urals could save hundreds of lives. The harsh reaction with which the regional leadership attacked local enterprises for inattention to solving the tasks of national policy, as well as the very reaction of enterprises and the subsequent repression against those responsible exclude the version of a conscious policy of genocide of the Kazakh people, which a number of public figures and foreign historians see in Soviet policy in the Kazakh ASSR of the 1930^s.

Keywords: national policy, settling of nomads, settlement policy, Kazakhs, Urals

For citation:

Kamenskikh M. S., Chernysheva Yu. S. Kazakh in the national policy of the Ural region in the 1930^s. Nations and religions of Eurasia. 2026. T. 31, № 1. P. 139–154. DOI 10.14258/nreur(2026)1–08

Kamenskikh Mikhail Sergeevich, candidate of Historical Sciences, leading researcher of the Institute of Humanitarian Studies of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences is a branch of the Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Perm (Russia). **Contact address:** mkamenskikh27@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-5716-655X>

Chernysheva Yulia Sergeevna, researcher of the Institute of Humanitarian Studies of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences is a branch of the Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Perm (Russia). **Contact address:** yulyachernysheva99@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-7311-9457>

Введение

Одной из крупных кампаний национальной политики СССР первой половины 1930-х гг. стали мероприятия по содействию оседанию кочующих народов. Они были направлены на цыган и кочевников Средней Азии. Частично данная политика коснулась и кочевых народов Крайнего Севера. Единого документа, определяющего порядок содействия оседанию, не было, перечень мероприятий регулировался отдельными постановлениями и нормативными актами союзных республик и инструкциями ЦК ВКП(б) (подр. см. [Синицын, 2018: 127]). Часто мероприятия сопровождались насильственной ломкой традиционного уклада в рамках советской модели модернизации, которая описана в трудах российских и зарубежных историков [Чеботарева, 2008: 567–591; Перевалова, 2019: 173–182; Головнёв, 1995: 163–196; Аманжолова, Дроздов, Костырченко, Красовицкая, 2022: 570–574; Слезкин, 2008: 221–279; Киндлер, 2017; Дахгилейгер, 1966]. Наиболее болезненным этот процесс был в Казахской ССР. Инструментами реализации политики в Казахской АССР стали Положение о землеустройстве кочевого, полукочевого и переходящего к оседлому хозяйству населения Автономной Киргизской Социалистической Советской Республики [Положение о землеустройстве..., 1924] и постановление ЦК ВКП(б) от 1930 г. «О коллективизации и борьбе с байско-

кулацкими элементами в районах кочевого и полукочевого хозяйства» [Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) ..., 1930].

С 1933 г. власти области начали кампанию по содействию оседанию казаков (кочевников). Перешедшим на оседлый образ жизни оказывалось содействие в трудоустройстве на различные предприятия. Кампания началась в Казахской АССР (с 1936 г. Казахская ССР) еще в конце 1920-х гг. в рамках коллективизации [Турсунбаев, 1972]. По всей республике проводились меры по оседанию кочевников и трудоустройству на предприятия РСФСР [Бектасов, Утегенов, 2025: 17]. Одним из направлений этой политики стала вербовка семей казахов на промышленные предприятия Урала, когда по поручению центральных властей представители заводов выезжали в Казахскую АССР и вербовали рабочих. В этот период казахи активно мигрировали из своей республики. Так, например, на юге Урала, в Троицком и Челябинском округах, количество казахов в межпереписной период 1926–1939 гг. увеличилось в три раза — до 28 тыс. чел., что явно превышает динамику естественного прироста. Мотивов миграционной активности было несколько, один из наиболее существенных — голод в Казахской АССР в начале 1930-х гг. По оценкам разных историков, которые анализирует Г. Е. Корнилов, потери населения от голода в республике могли составить от 1 до 2,2 млн чел. Данная тема в современном Казахстане чрезвычайно актуализировалась в последние годы в связи с попытками ряда общественных организаций признать массовую гибель жителей Казахской АССР геноцидом казахского народа (подр. см. [Корнилов, 2023]). Безусловно, голод мог стать одной из ключевых причин миграционных настроений. «Говорят, что они приехали из голодного края и по заключению врачей нетрудоспособны», — сообщалось о казахах Уралвагонстроя на заседании отдела национальностей Уральского облисполкома в ноябре 1933 г. [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124. Л. 14.]. Однако, как будет показано ниже, руководство СССР принимало самые интенсивные меры к тому, чтоб решить возникшую проблему, и точно не ставило целью именно уничтожение казахов по принципу их происхождения.

В рамках данной статьи будет проанализирована политика в отношении казахов, перешедших на оседлость, в Уральской области в 1932–1933-х гг. В этот период на Урал при участии центральных властей было перевезено несколько тысяч казахов. Кампания «содействия оседанию казаков (кочевников)» воспринималась местными органами власти как неотъемлемая часть национальной политики, поскольку в этот период подобные кампании проводились и в отношении ряда других советских народов. От просто переселенческой политики ее отличал дополнительный комплекс мероприятий по культурной и образовательной адаптации с учетом национальных особенностей прибывающих переселенцев.

Об этом свидетельствуют многочисленные материалы обследования и записки о трудоустройстве прибывших. В ряде региональных архивов по этой тематике сохранилась делопроизводственная документация, включающая протоколы совещаний, допросы, акты и материалы обследования культурно-бытовых условий казаков [ОГАЧО. Ф. Р-519. Оп. 1. Д. 146, 379; ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124]. Эти документы стали основным источником предлагаемого исследования. Материалы впервые вводятся авторами в научный оборот.

Привлечение казахов на предприятия Урала

Идея привлечь казахов для работы на предприятиях Урала принадлежала советскому правительству. 15 марта 1931 г. Совнарком принял постановление по организации и созданию условий для трудоустройства рабочих-казахов, согласно которому предприятия Урала обязывались провести оргнабор в Казахской АССР с целью «трудового и бытового перевоспитания казахов-откочевников и превращение их в индустриальных кадровых рабочих», а для казахской молодежи — вовлечение в комсомольские организации [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124. Л. 1, 19]. Применительно к Уралу данная политика реализовывалась в рамках мероприятий по оргнабору и вербовке сельского населения на промышленные предприятия Урала, вследствие чего за несколько лет, с конца 1920-х по начало 1930-х гг., городское население Урала увеличилось на несколько сот тысяч человек [Уральская область..., 2025: 83–84].

Казахов вербовали представители предприятий, а потом направляли в места работы, где оказывали содействие в трудоустройстве. Имеющиеся источники позволяют реконструировать этот процесс. Рабочих искали в аулах сельских районов Актюбинской области Казахской АССР. В материалах обследования культурно-бытовых условий казахов «Уралвагонзавода» сообщается о работе вербовщика в 23 аулах Улейского района. После подписания контракта завербованные рабочие направлялись в товарных вагонах до Нижнего Тагила, там поступали в распоряжение отдела найма предприятия, где местные власти уже должны были принимать меры по их адаптации и устройству.

По пути следования им полагалось ежедневное пособие 2,5 руб. (материалы последующих проверок показали, что практически никто из переселенцев не получил денежное довольствие в пути, а по прибытии получили только часть суммы (см., напр. [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124. Л. 14–14 об.]). Продовольствие получали в размере 800 г хлеба, 400 г крупы и сахара. По прибытии все еще получили по 30 кг картофеля. Поскольку у казахов на тот момент еще не было советских документов, всех прибывающих паспортизировали [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124. Л. 12 об.]. Процесс переезда был непростым. При вербовке в Нижний Тагил для работы на Уралвагонстрой вербовщик по фамилии Закишертский не выдал нанятым рабочим суточные и не кормил, в результате чего последние в дороге голодали, а 12 человек оставили на разных станциях по пути следования в результате их истощения.

В течение 1932–1933 гг. партии казахов стали прибывать на предприятия Урала. Всего на конец 1933 г. приехало около 2 тыс. чел. [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124. Л. 25]. Из них почти 1200 чел. были устроены на предприятия в Магнитогорске (Магнитострой), около 500 — в Перми (завод «Красный строитель»), 200 — в Нижнем Тагиле (ТЭЦ, Уралвагонстрой и Стандартжилстрой), чуть больше 100 — в Челябинске (Челябкопи), и Свердловске (Уралмаш и Эльмашстрой) и др.

Сохранившиеся в фондах ГАСО материалы проверки позволяют оценить, как были организованы встреча и обустройство прибывающих рабочих. В частности, сохранился протокол допроса члена комиссии по чистке членов и кандидатов в члены ВКП(б) Закирова, который работал в Перми. По его словам, в Пермь казахи прибыли из Актюбинска и Актюбинского района двумя партиями общей численностью 500 человек. К встрече администрация завода не была готова: «Встреча не была организована,

люди приехали, с вагонов сняли и загнали в совершенно нежилое помещение, т. е. бараки, которые совершенно не пригодны для жилья, причем казаки полностью не прошли санитарную обработку» [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124. Л. 1]. У прибывших не было никаких документов, но все они получили паспорта. Семьи были размещены в комнатах площадью 20 кв. м. до пяти семей, без водоснабжения и мебели. «Помещение барак не оборудовано, не отремонтировано, окна разбиты, стекол нет, набиты тряпьем, двери не отеплены, а сделаны только временки», — сообщается в документе [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124. Л. 1].

Организация условий проживания

Местные органы власти были обязаны не только трудоустроить казахов, но и оказать содействие в адаптации, что свидетельствует об отнесении этих мероприятий к национальной политике. Однако поступавшие с мест отзывы, публикации в газетах, высокая смертность рабочих заставили центральные власти обратиться к проверке культурно-бытового устройства казахов. По поручению заместителя председателя СНК РСФСР, казаха по происхождению, Т. Р. Рыскулова в Уральской области в период с 29 октября по 29 ноября 1933 г. работало восемь бригад по обследованию культурно-бытовых условий и трудоустройства рабочих-казахов на предприятиях области: бригада Губайдуллина — на Челябинкопи; бригада Курмангалиева и Гибадуллина — на Магнитострое (цех Коксострой); бригада Салихова — на Торфстрое; бригада Шашкиной — на Уралмаше; бригада Капитова — на Тагилвагонстрое, бригада Закирова — на заводе «Красный строитель» в городе Перми. Общее количество членов всех бригад — 32 человека [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124. Л. 24].

В источниках сохранились сведения о составе двух бригад. Работавшая на Уралвагонзаводе в Нижнем Тагиле бригада включала шесть человек — представителей: облизполкома Капитова (руководитель), парткома Уралвагонстроя Сафарова, Постройкома — Мильнеханова, Комсомола — Сотникова, коммунального отдела — Якушева, райсовета — Сафиуллина. В Перми работала бригада в составе уполномоченного отдела национальностей облизполкома Закирова, представителя Горпрофсовета — Жожитова, Горздравотдела — Родникова, закома — Лисина, инструктора райкомиссии по чистке партии — Смирнова. Как видно, состав комиссии был весьма внушительным, и ее решения не могли быть не приняты к исполнению.

Значительная часть отчетов касалась жилищно-бытовых условий. Судя по всему, не все предприятия обеспечили прибывших рабочих качественным жильем. В Нижнем Тагиле при планах по набору в три тысячи человек по факту на момент проверки было 208 казахов. Они были размещены на участке строительства ТЭЦ и бараках 54 и 56 Стандартжилстроя. Был исследован контингент в составе 208 рабочих, включая 57 детей и 71 женщину, грамотных и малограмотных — девять человек, остальные — неграмотные [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124. Л. 14]. Комиссия отметила, что не было принято и мер по обустройству казахов. Предприятие преднамеренно не оказывало им содействия в обустройстве: «...в комнатах грязь, дым, нехороший запах, бараки перегружены (54–56), отсутствуют всякие коммунальные услуги, как вода, кипяток и т. д., нет ни одного стола, стула, не говоря уже о том, что многие спали на полу, не имея кровати и постельных принадлежностей» [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124. Л. 8]. В комна-

те на 36 человек была установлена только одна печка, что создавало очереди из желающих приготовить еду. Капитов подчеркнул, что предприятие сознательно не приступало к решению вопроса об обустройстве казахов: «Когда я столкнулся с вопросом на заседании президиума, то ночью они уже были обеспечены матрацами. Несмотря на наличие возможностей, они в этом отношении проявили великодержавный шовинизм» [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124. Л. 8]. В пос. Березовском в бараках Эльмашстроя комиссия установила, что у казахов «нет уюта, нет столов, скамеек, вентиляции, семьи казахов готовят пищу на койках, под койками хранится все, что у них есть: дрова, продукция и т.д. ... У одной плитки каждый хочет, придя с работы, приготовить ужин, и продолжается это до часу-двух ночи. В бараках грязь, белье грязное, баня не обслуживается. Санитарный минимум не проводится. Одежда плохая, зарабатывают мало» [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124. Л. 28].

Условия проживания не везде были неудовлетворительными. Про рабочих, проживающих на Красногвардейском руднике (город Красноуральск), сказано, что их условия «лучше, чем у рабочих других цехов»: они имели постельные принадлежности и один раз ходили в баню. Продовольствием обеспечены наравне с другими рабочими [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124. Л. 17]. На Челябинских и в цехе Коксострой Магнитогорскстроя рабочие были размещены в приспособленных бараках (часть размещена в землянках в пос. Среднеуральске), обеспечены питанием и кипяченой водой. В Челябинских некоторые семьи даже получили отдельные квартиры [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124. Л. 25].

Хуже всего ситуация обстояла в Перми. В Акте, составленном по итогам работы бригады на заводе «Красный строитель», представлено следующее описание жилищно-бытовых условий: «Некоторые бараки в течение двух лет совсем не ремонтировались, на стенах висят клочья обоев, изъеденные мышами и тараканами, всюду целые скопления грязи, паутины и всяких отбросов. Печка в плохом состоянии, местами разделка около печей пришла в ветхость и грозит в пожарном отношении. Коридоры в барак почти не освещаются, двери с обеих сторон барачных постоянно открыты, т.к. не имеют приспособлений в виде грузов и пружин, в связи с чем температура в коридорах не выше уличной, а также и в комнате. Умывальники частью неисправны, подвоз воды к баракам не производится. При опросе школьников ФЗУ выявлено, что дети не умывались уже 2 дня, потому что не было подвозки воды. Баки с питьевой водой отсутствуют. Помойные ямы завалены нечистотами. Окружающая барачная территория засорена отбросами, особенно около крылец барака, уборные содержатся антисанитарно... рабочие поставлены в такие условия, что им пришлось волею-неволею превратить занятые ими бараки в кочевые становища» [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124. Л. 20]. В бараках члены бригады обнаружили в качестве материала для растопки «хворост, корни, употребляемые для отопления, неподходящее топливо вызывает массу едкого дыма» [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124. Л. 20].

Трудоустройство и производственные условия

При таких условиях обеспечения казахи не демонстрировали хороших показателей во время работы. Политика вовлечения казахов в производственные процессы включала в себя организацию «особых бригад из казахов с выделением на производстве бригадиров из числа передовых ударников-казахов, прививая в процессе труда методы со-

циалистического соревнования и одновременно внедряя в сознание их задачи производства данного предприятия, освоение техники производства, причем особо обратив внимание на применение женского труда и на задачи поднятия трудовой дисциплины» [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124. Л. 19].

Трудоустройство и обеспечение труда на предприятиях шло с разной степенью успешности. Согласно Постановлению № 6662 от 11 декабря 1933 г. «О состоянии культурно-бытовых условий труда и трудоустройства казаков (кочевников)», ряд предприятий, таких как Тагилавагонстрой, Стройтрест, «не обеспечили проведения необходимых мероприятий по организации приема прибывающих на работу казаков и не создали необходимых условий на самих предприятиях» [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 59. Л. 83].

В Перми из продуктов они получали 600 г печеного хлеба или мукой. Заработную плату местное заводоуправление не выплачивало либо выдавало частями, используя разные бюрократические уловки в оценке эффективности. Комиссия оценила среднюю зарплату в диапазоне 15–25 руб., среднего уровня в 35 рублей не было ни у одного из рабочих. С точки зрения организации труда комиссия отметила, что «вследствие ложного убеждения что рабочий-казак не способен в силу национально-расовой особенности его и кочевого образа жизни — к индустриальному труду, рабочие-казаки использовали на самых плохих и примитивных участках работы. Какого-либо стимула к производственному продвижению не создано» [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124. Л. 21].

Были и положительные примеры. Для трудоустроенных казахов завода «Новострой», например, был организован специальный режим диетического питания [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 59. Л. 97]. Прибывшие в Нижний Тагил казахи были направлены преимущественно на строительство объектов в качестве чернорабочих. Однако в докладе Капитова отмечено, что две бригады казахов, систематически перевыполнявшие планы, были отмечены, занесены на Красную доску, а рабочие награждены грамотами. Среди казахов было 38 ударников труда. Заплата рабочих оценивалась в 60–100 руб. в месяц. В Красноуральске рабочая Сотбаева сообщила комиссии о проблемах коммуникации на работе: «Нам говорят бригадиры работать надо, а мы не знаем, что делать, и думаем отдыхать, за это нас ругают, что казак как будто работать не умеет» [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124. Л. 17].

Вызывало озабоченность и санитарно-гигиеническое обслуживание, а также состояние здоровья прибывших рабочих. Казахов, согласно договору, должны были стричь и мыть бесплатно в бане раз в месяц. Однако на момент проверки лишь несколько предприятий сделали это один-два раза. В Нижнем Тагиле количество рабочих-казахов, требующих лечения, оценено комиссией в 60%. Необходимая медицинская помощь не оказывалась, что вело к распространению инфекций и росту заболеваемости, отмечены случаи детской смертности: «При мне умерло два ребенка от поноса, один ребенок еще пролежал два дня. Заболеваний сейчас среди казаков чрезвычайно много. Заболевания главным образом по внутренним болезням, большинство понос... Сейчас я обнаружил в 54 бараке человека, который болеет сифилисом. Он семейный... и до сего времени у врачей амбулатории не было того, чтоб положить его в больницу или отделить в другое помещение» [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124. Л. 11]. В вопросе обслуживания бригада отметила «проявление великодержавного шовинизма»: «С одной стороны, было проявлено бюрократическое отношение регистратора и заведующей

щего амбулатории, они не записали вызов на дом, с другой стороны, на устное обращение к ним последние тоже отмахивались, говоря, что не будут ходить по баракам, потому что там грязно» [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124. Л. 8]. По словам Капитова, одна из прибывших работниц, по фамилии Балагулова, умерла прямо на улице, «так как бараки были переполнены, в барак ее не пустили и в больницу не взяли» [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124. Л. 11], но прокуратура не стала предпринимать никаких мер по расследованию этого дела.

В Перми у рабочих было отмечено распространение вшей, обнаружены заболевшие паршой, трахомой, туберкулезом и другими инфекционными заболеваниями, зафиксированы случаи родов в бараке без медицинского сопровождения [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124. Л. 20]. Поскольку рабочие трудились в основном на карьере, то среди них был высок процент заболеваемости. На момент проверки из партии с июля по сентябрь 1933 г. в 200 человек 20 уже погибли. «Спецодежды по договору и постановлению правительства не предусмотрено, и они заявили, что к половине зимы, если им не выдадут спецодежду, большинство казаков пропадут» [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124. Л. 12]. В Березовском в больницы было помещено 20 детей казахов «с большими глазами», при этом врачи помощи больным детям не оказывали [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124. Л. 25].

К недостаточным условиям бытового обслуживания и отсутствию культурной работы добавлялось нетерпимое отношение местных русских рабочих. При оседании у казаков, видимо, возникали конфликтные ситуации с местным населением, о чем опять же свидетельствуют источники.

В материалах работы комиссий приведены случаи избиений и издевательств [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124. Л. 20 об.], одобряемых руководством завода: «Имеет место явный великодержавный шовинизм. Избиения казаков на каждом шагу, на улицах оскорбления... Имеется очень грубое издевательское отношение... Никакого хорошего товарищеского отношения к ним нет» [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124. Л. 20 об.]. Председатель парткома завода «Красный строитель» Тимофеев в беседе с членом бригады Смирновым якобы сказал, что «казаки по своей природе неряшливы, что создание культурных условий жизни для них, в силу их отсталости и особенностей вытекающей из кочевого образа жизни, — невозможно... они любят, когда у них в комнатах дым и грязь, это их родная стихия, они бань и мыла боятся» [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124. Л. 20 об.]. Сами казахи на собрании говорили, что с радостью бы уехали, если бы у них были деньги. В упомянутом выше постановлении, кроме прочего, говорилось, что «облпрокурору и Облсуду обеспечить рассмотрение в кратчайшие сроки дел об издевательстве над казаками» [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 59. Л. 83–84 об.].

Культурно-массовая работа

В источниках отражен процесс разбора ситуации только в Нижнем Тагиле и Перми, где быт и культурное обслуживание казахов были устроены хуже всего. Ситуация на Уралвагонзаводе разбиралась на совещании при отделе национальностей облисполкома 26 ноября 1932 г. В фондах ГАСО сохранилась стенограмма совещания. Комиссия по обследованию труда казахов изучила три вопроса: строительство, культура проживания и обустройство казахов. Бригада работала с местными цеховыми ячейками партии, цеховым комитетом и комсомолом. Капитов констатировал следующее: «Прак-

тически наша бригада застала производственно-массовую работу целиком и полностью в развале, производственно-массовая работа среди рабочих казаков отсутствовала» [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124. Л. 1, Л. 7]. Все это вело к появлению упаднических настроений и оттоку казахов на родину. Рабочий Самалиев из «Новостроя» сказал проверяющим: «Из 200 рабочих осталось 80. У меня сестра и брат в январе месяце уехали, потому что они ничего не смогли заработать. Мы продали всю одежду, если бы нам создали условия, мы бы никуда не поехали» [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124. Л. 77]. Другой работник сказал следующее о желании вернуться на родину: «Они желают ехать в Казакстан, они переписываются, им пишут, что там хорошо живут, пуд муки стоит 9 рублей, литр молока — 10 копеек, поэтому мы поедem, там у нас большая железная дорога (Турксиб), там будем работать» [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124. Л. 81 об.]. В более поздних источниках отмечено, что с весны 1934 г. «наблюдается частичный выезд в Казакстан, отъезд одних вызывает желание у других» [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124. Л. 114].

В целом представителям местных администраций не удалось создать условия для бытового и медицинского обслуживания рабочих-казахов. Свидетельств тому, что это делалось специально, нет. Вероятнее всего, принимающая сторона не придавала значения прибытию новых очередных партий рабочих, а непосредственные ответственные исполнители использовали их прибытие как возможность обогатиться.

Материалы обследования показали, что практически ни на одном из предприятий не велось организационной или учебной работы [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124. Л. 17]. В Перми дети казахов были устроены в детский сад, однако первоначально с них стали брать плату по 10 рублей за ребенка, и только после вмешательства администрации завода эта мера была отменена. Работы среди молодежи не велось. В Нижнем Тагиле работы среди молодежи не проводилось, хотя в среде казахов было три комсомольца. Детей казахов передали в работавшие при Вагонстрое национальные группы для татар, в результате чего дети «в течение года совершенно отатарились, и тем самым допущено искривление» [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124. Л. 8]. Ситуация объяснялась следующим образом: «Учитель — преподаватель национальной группы — татарин, который при разговоре заявил, что он сам с ними замучался, что ребята ничего не понимают, приходится одно слово сказать два раза для того, чтоб они поняли» [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124. Л. 8]. Кинообслуживание проводилось также на татарском языке. В пяти образованных при Вагонстрое ликпунктах учебу проходили исключительно казахи, численность слушателей оценена в 94 человека. Но их обучение также не было на родном языке: «В одном 56 бараке нашли одного казака, который фактически не казак, а башкир и который знает более-менее казакский язык, он преподает с казакского алфавита, вследствие чего имеется большое недовольство» [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124. Л. 8]. При этом на открытые при предприятии курсы повышения квалификации каменщиков и десятников казахи не приглашались. Однако следует отметить, что отсутствие работы может быть связано и с малочисленностью казахов на конкретных предприятиях, ведь ни на одном из них численность не превышала нескольких сотен. Исключение составляет только Магнитострой, где трудилось подавляющее большинство казахов. На этом предприятии были открыты ФЗУ и рабфак, а дети рабочих устроены в дошкольные и образовательные учреждения. В одном из барачков на этом предприя-

тии организован красный уголок, а на Водосоюзстрое даже был открыта читальня с литературой на казахском языке [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124. Л. 30–34].

Если говорить о культурной работе, то известно, что в 1932 г. в Свердловском педагогическом техникуме была создана группа для казахов, одна смешанная татарско-казахская. В Отчете облисполкома о нацменработе за 1932 год говорится: «Преподавание родного языка ведется в группе татарской и казахской. Из смешанной группы татары и казаки прикреплены на родной язык к соответствующим группам. В казахской группе ведется преподавание на родном языке математики, обществоведения» [ОГАЧО. Ф. Р-519. Оп. 1. Д. 146. Л. 100]. Специальные условия для казахов создавались в Магнитострое, а также в учебных заведениях областного уровня. Кроме этого, Свердловская область активно участвовала в подготовке кадров в открытой в 1932 г. Урало-Казахской академии в г. Алма-Ате [Урал — Казахстан, <https://clck.ru/3RdVYU>].

Очевидно, что отсутствие работы в сфере культуры для казахов на предприятиях было вызвано их небольшой численностью, а не нежеланием местного руководства. Там, где численность прибывших рабочих требовала создания отдельных условий, они создавались.

Ряд вопросов бригады решили уже на месте. Когда в Перми руководитель комиссии по обследованию Закиров приехал на завод «Красный строитель» и потребовал от местного руководства решить обозначенные проблемы, то, по его словам, когда местному парткому «завернули мозги, что завтра отдайте партбилет», вопрос был решен в течение 24 часов: «Вымыли их в бане, обеспечили пальто, обувь, бельем, матрацами и простынями» [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124. Л. 8].

Меры по улучшению положения казахов на предприятиях

Доклад о ситуации с рабочими-казахами был представлен на заседании президиума Уралобкома в ноябре 1933 г. Перед выступлением на заседании облисполкома Капитов выступил на соответствующих заседаниях президиума построечного комитета и на президиуме Нижнетагильского райисполкома. В фондах ГАСО сохранилась стенограмма совещания. Капитов констатировал следующее: «Практически наша бригада застала производственно-массовую работу целиком и полностью в развале, производственно-массовая работа среди рабочих казаков отсутствовала» [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124. Л. 1, Л. 7]. На заседании облисполкома работа местных властей была оценена как «крайне неудовлетворительная», директоров предприятий, на которых находились рабочие-казахи, обязали «в кратчайший срок принять самые решительные меры к полному устранению выявленных бригадами недостатков и обеспечить в дальнейшем максимальное внимание полной реализации постановления совнаркома от 15 марта 1933 г.» [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124. Л. 72]. По итогам было принято постановление Президиума облисполкома от 11 декабря 1933 г. № 6662 «О состоянии культурно-бытовых условий трудоустройства казаков (кочевников)». Было решено обеспечить максимальное вовлечение казахов в общественную и культурную жизнь и направить ответственного работника в Алма-Ату для покупки учебников, литературы, а также пособий на казахском языке. Орготделу было поручено выделить должность инструктора-казака, а областной прокуратуре — расследовать все факты преступного отношения к нуждам и запросам казаков и «обеспечить рассмотрение дел об издевательствах

над казаками и об извращениях национальной политики» [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124. Л. 75]. Местным органам власти вменялось к 1 мая следующего года обеспечить ликвидацию неграмотности среди взрослых казаков. Важной частью политики было и решение «редакциям областных и районных газет систематически освещать состояние культурно-массовой работы на предприятиях, где работают казаки, и лучшие образцы ударной работы их на этих предприятиях» [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 59. Л. 83–84 об.].

В феврале 1934 г. исполнение постановления было проверено отделом наименьшинств при президиуме Облисполкома. Итоги проверки были представлены в докладной записке на имя председателя облисполкома. В целом поручения были выполнены. Казахам сменили место жительства, обеспечили жилищными принадлежностями и мебелью [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124. Л. 113].

Ситуация в Перми стала поводом для разбирательств комиссии по чистке 1932–1933 гг. [Постановление ЦК ВКП(б) ..., 1932]. Секретарь Парткома Тимофеев, директор завода Шуваев были привлечены к партийной ответственности, заместитель директора по труду Коротаев и его помощник Зиндеев отданы под суд [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124. Л. 21 об.].

Среди предпринятых по итогам мероприятий была отмечена и информационная работа: «Кроме того, осветили это дело в районной газете, создали широкое общественное мнение вокруг этого урока, на котором нужно учиться, многим завернули мозги. Два отдельных члена партии передали непосредственно в комиссию по чистке. Поэтому бывший директор вычищен из партии в тот же день» [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124. Л. 4]. Также просили направить из центра работника, который мог бы говорить на казахском языке. В 1934 г. после разделения Челябинской и Свердловской областей политика в отношении казахов осталась в компетенции Челябинской области. Однако в этом регионе не было создано отдельного ведомства, ответственного за национальную политику, содействие казахам в оседании. В этой связи и сведений о кочующих казахах в период после 1934 г. практически не сохранилось, что затрудняет оценку эффективности политики во второй половине 1930-х гг.

Заключение

В целом политику в отношении рабочих-казахов, реализовывавшуюся на Урале в начале 1930-х гг., нельзя признать удачной. Вместо планировавшихся пяти тысяч предприятия смогли принять меньше половины. Прибывавшие устраивались в худших, чем у местных, условиях, имели проблемы с выплатами и обеспечением питанием и оплатой труда, среди них не велась массовая работа. Сложно сказать, что предприятия нуждались в этой рабочей силе. В источниках об этих потребностях ничего не говорится. Вероятнее всего, этих рабочих заводы получали в порядке обязательства, в связи с чем и не были заинтересованы в них. Однако в период 1932–1933 гг., когда в Казахской АССР свирепствовал голод, даже работа на Урале могла спасти сотни жизней. Однако этот пример весьма показателен для понимания сути национальной политики того периода. Для местных властей было важно подчеркнуть, что задача работы среди казаков не ограничивается обеспечением работой и жилищными условиями, эта политика мыслилась более глубоко и комплексно, включая в себя культурно-массовую работу, содействие в изучении родного языка, работу с молодежью, выдвиже-

ние «национальных кадров», содействие в изучении русского языка, что во многом характеризует национальную политику как самостоятельный управленческий феномен в жизни модернизирующегося советского общества 1920–1930-х гг. Жесткая реакция, с которой областное руководство обрушилось на местные предприятия за невнимание к решению задач национальной политики, а также сама реакция предприятий и последовавшие репрессии против виновных исключают и версию о сознательной политике по геноциду казахского народа, которую ряд общественных деятелей и зарубежных историков видит в советской политике в Казахской АССР 1930-х гг. Нельзя не отметить, что руководство страны на уровне СНК, видя проблемную ситуацию в экономике республики, предпринимало в силу имеющихся ресурсов разные меры по содействию бедствующему населению, привлекая возможности и ресурсы приграничных регионов и наказывая местное руководство за недостаточное внимание к решению проблем прибывающего населения.

Благодарности и финансирование

Публикуется в рамках гранта РФФИ № 25–18–00467 «Этничность и стратегии этнических сообществ в национальной политике Урала в XX–XXI вв.»

Acknowledgements and funding

The research was supported by the Russian Science Foundation, project No. 25–18–00567, «Ethnicity and strategies of ethnic communities in the national policy of the Urals in the XX–XXI centuries».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Аманжолова Д. А., Дроздов К. С., Костырченко Г. В., Красовицкая Т. Ю. Советская федерация: от империи к модерности. 1917–1941 гг. М.: ИРИ РАН, 2022. 831 с.

Бектасов Ш. Т., Утегенов М. З. Из истории оседания казахов Северного Казахстана в 1930-е гг.: о чем свидетельствуют архивные документы // Вестник Карагандинского университета. 2025. № 2. С. 40–55.

Головнёв А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 606 с.

Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 59.

Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124.

Дахгилейгер Г. Ф. Из опыта истории оседания казахских кочевых и полукочевых хозяйств (до массовой коллективизации сельского хозяйства) // Советская этнография. 1966. № 4. С. 3–23.

Киндлер Р. Сталинские кочевники: власть и голод в Казахстане. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 382 с.

Корнилов Г. Е. Голод в Казахской АССР в 1930-е гг.: историографический дрейф // Новейшая история России. 2023. Т. 13, № 1. С. 99–121.

Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. Р-519. Оп. 1. Д. 146.

Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. Р-519. Оп. 1. Д. 379.

Перевалова Е. В. Обские угры и ненцы Западной Сибири: этничность и власть. СПб.: МАЭ РАН, 2019. 350 с.

Положение о землеустройстве кочевого, полукочевого и переходящего к оседлому хозяйству населения Автономной Киргизской Социалистической Советской Республики. Оренбург: Издание Кирнаркомзема, 1924. 15 с.

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О коллективизации и борьбе с кулачеством в национальных экономически отсталых районах». 20 февраля 1930 г. // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. В 5 т. Т. 2. Ноябрь 1929 — декабрь 1930. М.: РОССПЭН, 2000. С. 275.

Постановление ЦК ВКП(б) от 10 декабря 1932 г. «О проведении чистки членов и кандидатов партии в 1933 г.» // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 5: 1929–1932. М.: Политиздат, 1984. С. 82.

Синицын Ф. А. «Погоня за населением»: Советизация «кочевых» регионов СССР в 1920-е гг. // Петербургский исторический журнал. 2018. № 4 (20). С. 126–141.

Слезкин Ю. А. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 512 с.

Турсунбаев А. Опыт перехода от нomaдизма к оседлости // Формы и методы преодоления экономической отсталости: из исторического опыта советских республик Востока. М.: Изд-во Агентства печати «Новости», 1972. 196 с.

Урал — Казахстан: на стыке цивилизаций // Выставки ГАСО. URL: <https://clck.ru/3RdVYY> (дата обращения: 20.12.2025).

Уральская область в 1923–1934 гг.: взгляд через 100 лет: монография / Ред. Г. Е. Корнилов, М. А. Фельдман. Екатеринбург, 2025. 170 с.

Чеботарева В. Г. Национальная политика Российской Федерации. 1925–1938 гг. М.: ГУ МДН, 2008. 831 с.

References

Amanzholova D. A., Drozdov K. S., Kosty'rchenko G. V., Krasoviczkaya T. Yu. *Sovetskaya federatsiya: ot imperii k modernosti. 1917–1941 gg.* [The Soviet Federation: from Empire to Modernity. 1917–1941]. Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 2022, 831 p. (in Russian).

Bektasov Sh. T., Utegenov M. Z. Iz istorii osedaniya kazakhov Severnogo Kazakhstana v 1930-e gg.: o chem svidetel'stvuyut arkhivnye dokumenty [From the history of the settling of the Kazakhs of Northern Kazakhstan in the 1930s: as evidenced by archival documents]. *Vestnik Karagandinskogo universiteta* [Bulletin of the Karaganda University]. 2025, no. 2, pp. 40–55 (in Russian).

Chebotaeva V. G. *Natsional'naya politika Rossiiskoi Federatsii. 1925–1938 gg* [National policy of the Russian Federation. 1925–1938]. Moscow: State institution Moscow House of Nationalities, 2008, 831 p. (in Russian).

Dakhgileiger G. F. Iz opyta istorii osedaniya kazakhskikh kochevykh i polukochevykh khozyaistv (do massovoi kollektivizatsii sel'skogo khozyaistva) [From the experience of the settling history of Kazakh nomadic and semi-nomadic farms (before the mass collectivization

of agriculture)]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography]. 1966, no. 4, pp. 3–23 (in Russian).

Golovnev A. V. *Govoryashchie kul'tury: traditsii samodiitsev i ugrov* [Speaking cultures: traditions of Samoyeds and Ugrians]. Yekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 1995, 606 p. (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Sverdlovskoi oblasti [The State Archive of the Sverdlovsk region]. Fund R-88. Inv. 5. File 59 (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Sverdlovskoi oblasti [The State Archive of the Sverdlovsk region]. Fund R-88. Inv. 5. File 124 (in Russian).

Kindler R. *Stalinskie kochevniki: vlast' i golod v Kazakhstane* [Stalin's nomads: power and famine in Kazakhstan]. Moscow: Political Encyclopedia, 2017, 382 p. (in Russian).

Kornilov G. E. *Golod v Kazakskoi ASSR v 1930-e gody: istoriograficheskii dreif* [Famine in the Kazakh ASSR in the 1930s: historiographical drift]. *Noveishaya istoriya Rossii* [Modern History of Russia]. 2023, vol. 13, no. 1, pp. 99–121 (in Russian).

Kornilov G. E., Fel'dman M. A. (eds.) *Ural'skaya oblast' v 1923–1934 gg.: vzglyad cherez 100 let* [The Ural region in 1923–1934: a look after 100 years]. Yekaterinburg, 2025, 170 p. (in Russian).

Obedinennyy gosudarstvennyi arkhiv Chelyabinskoi oblasti [The United State Archive of the Chelyabinsk region]. Fund R-519. Inv. 1. File 146 (in Russian).

Obedinennyy gosudarstvennyi arkhiv Chelyabinskoi oblasti [The United State Archive of the Chelyabinsk region]. Fund R-519. Inventory 1. File 379 (in Russian).

Perevalova E. V. *Obskie ugry i nentsy Zapadnoi Sibiri: etnichnost' i vlast'* [Ob Ugrians and Nenets of Western Siberia: ethnicity and power.]. St. Petersburg.: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences, 2019, 350 p. (in Russian).

Polozhenie o zemleustroistve kochevogo, polukochevogo i perekhodyashchego k osedlomu khozyaistvu naseleniya Avtonomnoi Kirgizskoi Sotsialisticheskoi Sovetskoi Respubliki [Regulations on the land management of the nomadic, semi-nomadic and sedentary population of the Autonomous Kyrgyz Socialist Soviet Republic]. Orenburg: Izdanie Kirnarkomzema, 1924, 15 p. (in Russian).

Postanovlenie Politbyuro TsK VKP(b) “O kollektivizatsii i bor'be s kulachestvom v natsional'nykh ehkonomicheski otstalykh raionakh”. 20 fevralya 1930 g. [Resolution of the Politburo of the Central Committee of the CPSU(b) “On collectivization and the fight against the Kulaks in national economically backward regions.” February 20, 1930]. *Tragediya sovetskoi derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie. 1927–1939. Dokumenty i materialy. V 5 t. T. 2. Noyabr' 1929 — dekabr' 1930* [The tragedy of the Soviet village. Collectivization and dispossession. 1927–1939. Documents and material in 5 volumes. Vol. 2. November 1929 — December 1930]. Moscow: Russian Political Encyclopedia, 2000, 275 p. (in Russian).

Postanovlenie TsK VKP (b) ot 10 dekabrya 1932 g. “O provedenii chistki chlenov i kandidatov partii v 1933 godu” [Resolution of the Central Committee of the CPSU (b) of December 10, 1932 “On purging party members and candidates in 1933”]. *Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuza v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'ezdov, konferentsii i plenumov TsK (1898–1986). T. 5: 1929–1932* [The Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions

of congresses, conferences and plenums of the Central Committee (1898–1986). Vol. 5: 1929–1932]. Moscow: Politizdat, 1984, p. 82 (in Russian).

Sinitsyn F. L. “Pogonya za naseleniem”: Sovetizatsiya “kochevykh” regionov SSSR v 1920-e gg. [“The pursuit of the population”: Sovietization of the “nomadic” regions of the USSR in the 1920s]. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal* [St. Petersburg Historical Magazine]. 2018, no. 4, pp. 126–141 (in Russian).

Slezkin Yu. L. *Arkticheskie zerkala: Rossiya i malye narody Severa* [Arctic mirrors: Russia and the small peoples of the North]. Moscow: New Literary Review, 2008, 512 p. (in Russian).

Tursunbaev A. Opyt perekhoda ot nomadizma k osedlosti [The experience of the transition from nomadism to settlement]. *Formy i metody preodoleniya ehkonomicheskoi otstalosti: iz istoricheskogo opyta sovetskikh respublik Vostoka* [Forms and methods of overcoming economic backwardness: from the historical experience of the Soviet Republics of the East]. Moscow: House of the Novosti Press Agency Publ., 1972. 196 p. (in Russian).

Ural — Kazakhstan: na styke tsivilizatsii [Ural — Kazakhstan: at the junction of civilizations]. *Vystavki GASO* [Exhibitions The State Archive of the Sverdlovsk region]. URL: <https://clck.ru/3RdVYY> (accessed December 20, 2025) (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 03.02.2026

Принята к публикации: 05.02.2026

Дата публикации: 31.03.2026